Пров 4

Собраніе лучшихъ русскихъ произведеній.

Ж. КЕНАНЪ

ЖИЗНЬ
политическихъ арестантовъ
въ русскихъ тюрьмахъ.

M. KENAN.

Das Leben der politischen Gefangenen.
La vie des prisonniers politiques.

Берлинъ Charlottenstr. 2. **Berlin SW.**
Изданіе Гуго Штейница. Hugo Steinitz Verlag.
1904. 1904.

Часть 96. Мар. 1,60.

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи

Изданіе Гуго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

1.	**Шидарь**, Нравственныя задачи XX-го вѣка (Moralische Aufgaben)	1,50 Мар.
2.	**Л. Н. Толстой**, Письмо къ Поляку (Polen-Briefe)	—,60 „
3.	—, Разумъ (Vernunft, Glaube)	—,80 „
4.	—, Не воевай (Kämpfe nicht)	—,80 „
5.	—, Палкинъ (Palkin)	—,80 „
6.	—, Патріотизмъ или миръ? (Patriotismus)	—,80 „
7.	—, Плоды просвѣщенія (Früchte)	1,— „
8.	—, Крестникъ (Patenkind)	1,— „
9.	—, Мысли о Богѣ (Gedanken)	1,20 „
10.	—, Рабство нашего времени (Sklaverei)	1,50 „
11.	—, О смыслѣ жизни (Sinn des Lebens)	1,50 „
12.	—, Христіанство (Christentum)	2,— „
13.	—, Половой вопросъ (Sexuelle Frage)	2,— „
14.	—, Воскресеніе (Auferstehung)	3,50 „
15.	—, Царство Божіе, 2 части (Reich Gottes)	**Не изъѣется**
16.	**Б. Чичеринъ**, Польскій и еврейскій вопросы (Polnische und jüdische Frage)	1,— „
17.	**М. Горькій**, Запрещенное (Verbotenes)	1,— „
18.	**Толстой** и Святѣйшій Синодъ (Tolstoi und Synod)	1,50 „
19.	***, Россія наканунѣ двадцатаго столѣтія (Russland am Vorabend)	2,— „
20.	***, Послѣднія революц. событія (Ereignisse)	2,— „
21.	**Н. Т.**, Тайны зимняго дворца (Geheimnisse)	4,— „
22.	**М. Горькій, Л. Н. Толстой и др.**, На злобу дня (Gorki, Tolstoi etc., Tagesfrage)	1,— „
23.	***, Жизнь и ученіе Могаммеда (Mohamed)	5,— „
24.	**Л. Н. Толстой**, Письма о его ученіи (Tolstoi Lehre)	1,— „
25.	—, Единственное средство (Einzige Mittel)	1,— „
26.	—, Крейцерова соната (Kreutzersonate)	1,50 „
27.	—, Исповѣдь (Beichte)	3,— „
28.	—, Въ чемъ моя вѣра? (Glaube)	4,— „
29.	***, Изъ революціонной русской литературы (Revol. Literatur I)	3,— „
30.	**Л. Н. Толстой**, О войнѣ и военномъ дѣлѣ (Kriegswerk)	1,50 „
31.	—, Что такое религія (Religion)	2,— „
32.	**А. Амфитеатровъ**, Господа Обмановы (Obmanow)	1,— „
33.	**Л. Н. Толстой**, Мысли о воспитаніи (Erziehung)	1,20 „
34.	Карповичъ и Балмашевъ передъ судомъ (Karpowicz)	1,— „
35.	Л. Н. Толстой къ Духоборцамъ (Sendschreiben)	1,— „
36.	**Л. А. Волкенштейнъ**, 13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости (Schlüsselburger Festung)	2,— „
37.	Декабристы (Dekabristen)	1,— „
38.	**Л. Н. Толстой и А. Герценъ**, О насиліи (Gewaltthätigkeiten)	1,— „

Ж. КЕНАНЪ

Жизнь политическихъ арестантовъ.

въ русскихъ тюрьмахъ.

Ж. КЕНАНЪ

ЖИЗНЬ

политическихъ арестантовъ

въ русскихъ тюрьмахъ.

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейница.
Шарлоттенштрассе 2.

Каждый образованный американскій читатель, интересующійся дѣлами Россіи, но у котораго нѣтъ свѣдѣній подъ руками, кромѣ тѣхъ въ высшей степени неполныхъ и неудовлетворительныхъ извѣстій о событіяхъ въ Россіи, которыя приноситъ нашъ телеграфъ, непремѣнно долженъ былъ не разъ спрашивать себя: „въ чемъ заключается особенность тѣхъ золъ, которыя способны вызывать именно среди русской молодежи проявленіе такой глубокой страстной ненависти къ царю и двигать на такія отчаянныя постоянныя попытки лишить его жизни.“ Напрасно стали бы мы искать въ доходящихъ до насъ свѣдѣніяхъ причинъ, которыя бы могли объяснить ту „закаленную“ интенсивность чувства ненависти, которая должна лежать въ основаніи этого необыкновеннаго соціальнаго явленія.

Намъ говорятъ, что Россія дурно управляется, что печать задавлена, что право общественныхъ собраній не признается, что всякое свободное стремленіе сурово подавляется испорченной и деспотической бюрократіей. Но все это зло, хотя мы и знаемъ, что оно дѣйствительно существуетъ, не даетъ еще удовлетворительнаго объясненія тому факту, что десятки, можетъ быть, сотни молодыхъ мужчинъ и женщинъ въ Россіи охотно готовы умереть насильственной и позорной смертью на эшафотѣ, хотя бы наканунѣ смерти убить человѣка, занимающаго престолъ. На съѣздѣ предводителей „террористовъ", состоявшемся въ г. Липецкѣ въ іюнѣ 1879 года, на которомъ рѣшено было убійство Александра II, сорокъ семь молодыхъ мужчинъ и женщинъ добровольно предложили себя, какъ исполнителей постановленія совѣта („Оффиціальный стенографическій отчетъ суда надъ цареубійцами въ С.-Петербургѣ въ 1881 году." Дурное управленіе въ томъ смыслѣ, какъ мы обыкновенно понимаемъ эти слова, никакъ не можетъ быть достаточной причиной для объясненія такого необыкновеннаго и ненормальфакта. Люди, вообще, не борятся изъ-за сво-

боды печати посредствомъ убійствъ и не завоевываютъ себѣ гражданскихъ правъ путемъ цареубійства. Чувство страшнаго личнаго оскорбленія должно присоединиться къ этому общему давленію для того, чтобы обыкновенный средній человѣкъ дошелъ до того душевнаго состоянія когда онъ отдаетъ свою собственную жизнь за одну возможность убить другого. Поэтому или нужно признать, что террористы обладаютъ какимъ-то особенно жестокимъ и фанатическимъ характеромъ и что въ крови русскаго человѣка существуетъ болѣзненная наклонность къ убійству, въ такомъ случаѣ становится невозможнымъ судить о человѣкѣ этой категоріи на основаніи тѣхъ же нравственныхъ началъ, какія мы примѣняемъ къ другимъ, или же въ основаніи ненормальныхъ явленій современной русской жизни лежитъ нѣчто большее, чѣмъ просто дурное управленіе. Я намѣреваюсь указать въ статьяхъ на то, что мнѣ кажется одною изъ самыхъ главныхъ и дѣйствительныхъ причинъ, побудившихъ русскихъ революціонеровъ принять въ 1878 году печальную, ошибочную и преступную политику террора, а именно на обращеніе съ политическими ссыль-

ными въ русскихъ тюрьмахъ. Какой бы точки зрѣнія не держаться по отношенію къ различнымъ фазисамъ, черезъ которые русское революціонное движеніе прошло съ 1870 года, не можетъ быть, я думаю, сомнѣнія въ томъ, что послѣдній его фазисъ — организованное убійство — есть результатъ жестокаго и безчеловѣчнаго обращенія съ политическими въ Петропавловской крѣпости, Шлиссельбургскомъ замкѣ и въ тюрьмахъ Москвы, Кіева, Одессы и пр. Поэтому, прежде чѣмъ разсматривать какая преступленія, какъ убійство Александра II или разсуждать о тѣхъ характерахъ, которые выдвинулись съ принятіемъ террористической политики, необходимо составить себѣ ясное понятіе о жизни русскихъ революціонеровъ въ тюрьмѣ. Матеріаломъ для этихъ статей служили мнѣ главнымъ образомъ три источника: во-первыхъ, личный осмотръ большаго числа русскихъ тюремъ; во-вторыхъ, показанія трехъ или четырехъ сотъ мужчинъ и женщинъ, вынесшихъ это заключеніе въ продолженіи разныхъ сроковъ отъ шести мѣсяцевъ до семи лѣтъ, въ различное время отъ 1874 г. до 1885 г.; и, въ третьихъ, указанія русскихъ оффиціальныхъ

лицъ, имѣющихъ теперь или имѣвшихъ прежде отношеніе къ тюремной администраціи. Много дней и ночей трудился я на мѣстѣ каторжнаго заключенія и ссылки, какъ въ Сибири, такъ и въ городахъ Европейской Россіи, надъ собираніемъ и провѣркой тѣхъ фактовъ, которыя я намѣренъ здѣсь изложить, имѣю полное основаніе думать, что всѣ мои показанія заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Два или три года тому назадъ возникъ въ англійскомъ журналѣ споръ между княземъ Кропоткинымъ и мистеромъ Вильсономъ съ одной стороны и достопочтеннымъ г. Линделело и однимъ анонимнымъ корреспондентомъ „Pall Mall Gazette“ съ другой — относительно условій жизни „политическихъ“ и обращенія съ ними въ Петропавловской крѣпости. Мнѣ было отказано въ разрѣшеніи осмотрѣть эту тюрьму, почему я не могу описывать ее на основаніи личныхъ наблюденій; за то, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о жизни въ ней иными путями. Я познакомился въ Сибири, по крайней мѣрѣ, съ 30-ю ссыльными, которые подвергались заключенію въ этой крѣпости. Въ

общемъ, время ихъ пребыванія тамъ обнимаетъ весь промежутокъ времени отъ 1874 до 1884 гг. Ссыльные эти были разсѣяны по всей Сибири, многіе изъ нихъ никогда не видѣли другъ друга, имъ не было никакой возможности входить между собой въ предварительное соглашеніе относительно того, что они мнѣ разсказывали. Большая часть изъ нихъ люди высоко-образованные и развитые и столько же неспособны преднамѣренно обманывать, какъ любой американскій джентельменъ изъ моихъ знакомыхъ. Они описывали до мельчайшихъ подробностей все, что испытали въ крѣпости, и я, просматривая свою записную книжку, нахожу въ разныхъ мѣстахъ 6 или 8 описаній одного и того же событія, однихъ и тѣхъ же порядковъ, переданныхъ 6 или 8 лицами, не знающими другъ друга, находящимися въ различныхъ мѣстахъ ссылки и живущихъ на громадныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Показанія ссыльныхъ съ юридической точки зрѣнія должны, конечно, быть разсматриваемы, какъ свидѣтельство „ex porte“, но очевидно, что даже партійныя свидѣтельства, когда они такъ совпадаютъ и данныя при тѣхъ обстоятельствахъ, на кото-

рыя я указалъ, должны считаться за достовѣрныя; если только не будетъ указано, что были возможны соглашенія. Насколько я могъ, я повѣрялъ эти показанія ссыльныхъ путемъ разговоровъ съ судьями и оффиціальными лицами тюремнаго управленія. По причинамъ, которыя нетрудно понять, я не могу назвать имена послѣднихъ, но это были лица, хорошо знакомыя съ положеніемъ дѣлъ. Если участіе и роль правительства въ разсматриваемомъ вопросѣ и въ описываемыхъ событіяхъ не выступаютъ въ этой статьѣ такъ ярко, какъ это было бы желательно, то причина кроется отчасти въ томъ, что я для большей тщательности и полноты отложилъ до слѣдующей статьи разсмотрѣніе о дѣйствіяхъ со стороны правительства, и отчасти въ томъ, что генералъ Оржевскій, русскій шефъ жандармовъ, оказался не расположеннымъ, когда я былъ у него въ прошломъ году лѣтомъ, снабдить меня фактами или дать мнѣ возможность сдѣлать личныя наблюденія. Позволеніе посѣтить большую петербургскую тюрьму, извѣстную подъ названіемъ „Дома Предварительнаго Заключенія“, и Литовскій замокъ, я получилъ, благодаря г. Галкину-

Врасскому, начальнику тюремнаго комитета. На Петропавловскую и Шлиссельбургскую крѣпость его власть не простиралась, и ген. Оржевскій, который могъ бы позволить осмотрѣть ихъ, вѣжливо, но твердо отклонилъ мою просьбу. Для того, чтобы лучше понять все, что я буду дальше описывать, читатель долженъ совершенно отрѣшиться отъ мысли, что русскія тюрьмы управляются по какой-нибудь системѣ, или что обращеніе съ заключенными вытекаетъ изъ предначертанной политики. Трудно найти, я думаю, во всемъ цивилизованномъ мірѣ другой такой способъ примѣненія наказаній, какъ тотъ, который употребляется въ Россіи, при которомъ личный произволъ игралъ бы такую видную роль, и личныя соображенія исполнителей такъ сильно вліяли бы на законъ. — Во всей имперіи 884 тюрьмы. Номинально онѣ всѣ находятся подъ однимъ управленіемъ и подлежатъ однимъ и тѣмъ же законамъ и правиламъ, и между тѣмъ трудно было бы найти 20 тюремъ, которыя бы управлялись одинаковымъ образомъ въ продолженіе 3-хъ лѣтъ. Тѣ права, которыми пользуются заключенные въ одной тюрьмѣ, не существуютъ въ дру-

гой; въ одной — строгость есть общее правило, въ другой — только исключеніе; иныхъ заключенныхъ закармливаютъ, другіе содержатся въ проголодь; въ одномъ мѣстѣ нарушеніе правилъ не влечетъ за собой ничего, кромѣ выговора, тогда какъ въ другомъ — подобное же нарушеніе наказывается 20-ью ударами розогъ по обнаженному тѣлу. Вездѣ безпорядокъ, противозаконныя дѣйствія, произволъ и болѣе или менѣе полное отсутствіе всякой системы. Причинъ этого положенія дѣлъ много, но самыя главныя слѣдующія: во 1-хъ, самые законы чрезвычайно трудно примѣнимы на практикѣ и полны противорѣчій; во 2-хъ, управленіе тюрьмами распредѣлено между громаднымъ количествомъ лицъ и административныхъ органовъ, отношеніе которыхъ другъ къ другу не организовано правильно; въ 3-хъ, многія русскія административныя лица склонны рѣшать дѣла и поступать согласно не съ закономъ, а съ тѣмъ, что они считаютъ лучшимъ въ данное время или наиболѣе соотвѣтствующимъ видамъ высшаго начальства; и, въ 4-хъ, крайне низкій уровень административныхъ способностей и нравственности громаднаго большинства лицъ

тюремной администраціи, въ которую невозможно привлечь болѣе порядочныхъ людей при такомъ ничтожномъ окладѣ, который они получаютъ. (Управляющій Домомъ Предварительнаго Заключенія въ С.-Петербургѣ, одной изъ самыхъ большихъ и главныхъ тюремъ имперіи, получаетъ только 900 руб., кромѣ столовыхъ и квартирныхъ. Старшій помощникъ его получаетъ только 400 руб. Въ С.-Петерб. пересыльной тюрьмѣ смотритель получаетъ 350 руб., а помощникъ его 200 руб. Въ провинціальныхъ тюрьмахъ платится еще меньше. Отчетъ Центральнаго Тюремнаго Управленія за 1884 г. стр. 83—84. С.-Петерб. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ 1886 г.). У меня есть копія съ секретнаго доклада царю ген. губерн. Анучина 81 г., въ которомъ это высокопоставленное лицо, говоря о низкомъ состояніи тюремъ и о неудовлетворительности законовъ, касающихся тюремнаго заключенія и ссылки, выражается такъ: „хотя законы и даютъ намъ безчисленное множество указаній въ этомъ дѣлѣ, но большая часть этихъ законовъ сдѣлалась мертвою буквою съ самого дня ихъ изданія, вслѣдствіе ихъ непримѣнимости и отсутствія

контроля". (Секретный докладъ царю ген. губ. Анучина гл. V отд. 3, подъ заглавіемъ: „ссылка, каторжныя работы и тюремное заключеніе."). У меня есть также копія съ циркуляра начальника одной изъ русскихъ губерній, отъ 25 августа 1885 года, тюремнымъ комитетамъ, городской полиціи, уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ и органамъ тюремнаго контроля, въ которомъ губернаторъ обращаетъ вниманіе этихъ учрежденій „на существованіе въ уѣздныхъ тюрьмахъ безчисленныхъ и всевозможныхъ нарушеній закона, совершаемыхъ такъ открыто, что, кажется, почти невѣроятнымъ, чтобы люди, позволяющіе себѣ подобные поступки, сознавали всю незаконность ихъ". Въ длинномъ рядѣ злоупотребленій, перечисляемыхъ губернаторомъ, встрѣчаются безчестныя соглашенія между лицами тюремной администраціи и поставщиками провіанта и одежды низшаго качества, чѣмъ-то, которое требуется, и о раздѣленіи между собой этой мошеннической экономіи; требованія пайка и одежды для арестантовъ, которые уже умерли, или выпущены на свободу, и продажа этихъ вещей администраціей въ свою пользу; обыкновеніе

выпускать заключенныхъ на свободу для того, чтобы они могли имѣть частную работу, съ условіемъ дѣлить заработокъ съ тѣми, кто ихъ выпустилъ; незнаніе властей, что тюремные надзиратели наказываютъ и сѣкутъ заключенныхъ, безъ вѣдома и распоряженія исправниковъ и начальниковъ полиціи, въ участкахъ которыхъ находятся тюрьмы. Изъ этого циркуляра явствуетъ безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, что существуетъ, по меньшей мѣрѣ, 7 различныхъ лицъ и учрежденій, которыя имѣютъ отношеніе къ управленію уѣздными тюрьмами (острогами), а именно: во 1-хъ, лица самой тюремной администраціи, во 2-хъ, тюремные комитеты, въ 3-хъ, администрація городской полиціи, въ 4-хъ, уѣздная полиція, въ 5-хъ, органы тюремнаго контроля, въ 6-хъ, исправники, и въ 7-хъ, губернаторъ. Къ этому же, однако, еще надо прибавить: въ 8-хъ, прокуроръ, въ 9-хъ, мѣстная городская дума, въ 10-хъ, генералъ-губернаторъ, въ 11-хъ, центральная тюремная администрація въ С.-Петербургѣ и, въ 12-хъ, министерство внутреннихъ дѣлъ. (Забыто жандармское управленіе.) Изъ вышеупомянутаго оффиціальнаго источника видно, что,

тѣмъ не менѣе, не смотря на всю эту сложную машину, не смотря на кажущееся изобиліе „контроля“, въ уѣздныхъ острогахъ совершается безчисленное множество нарушеній закона такъ открыто, что „становится невѣроятнымъ, чтобы люди позволяли себѣ подобные поступки, сознавая ихъ незаконность“. Въ тюрьмахъ, предназначенныхъ исключительно только для политическихъ преступниковъ, безпорядковъ и мошенничествъ, конечно, меньше, чѣмъ въ тюрьмахъ низшей степени провинности; но даже и въ нихъ случайныя обстоятельства и административный произволъ играютъ гораздо болѣе видную роль, чѣмъ законъ. Законъ рѣдко препятствуетъ тому, что административное лицо считаетъ высшими государственными интересами. Если такой прокуроръ, какъ Стрѣльниковъ, или шефъ-жандармовъ, какъ Мезенцевъ, думаютъ, что, поступая съ политическимъ преступникомъ извѣстнымъ образомъ, онъ можетъ вывѣдать отъ него показанія, которыя поведутъ къ аресту его товарищей по преступленію или дадутъ ключъ къ раскрытію заговора, то онъ, не колеблясь, переступаетъ границы своей законной власти.

Для достиженія своихъ цѣлей, онъ прибѣгаетъ даже къ самымъ низкимъ и безчестнымъ средствамъ, которыя столько же мучаютъ преступниковъ, сколько дискредитируютъ правительство, допускающее ихъ. — Отношенія къ политическимъ преступникамъ зависятъ также въ сильной степени отъ настроенія, господствующаго въ оффиціальныхъ сферахъ въ различное время. Послѣ каждаго новаго покушенія со стороны заговорщиковъ, которые остались на свободѣ, строгость по отношенію къ ихъ товарищамъ въ тюрьмѣ усиливается. Сегодня администрація, раздраженная успѣхомъ заговора, котораго ей не удалось раскрыть, вымещаетъ свою неудачу на ихъ товарищахъ, которые находятся въ ея власти, завтра, успокоенная мнимой покорностью тому, что ей кажется возстановленіемъ общественнаго порядка, она ослабляетъ крайнюю строгость тюремной дисциплины.

Естественнымъ результатомъ такого отношенія къ закону является полное отсутствіе всякой системы и постоянства въ тюремномъ управленіи. Обращеніе съ заключенными сообразуется не съ законами, но съ тѣмъ, что прокуроръ или шефъ жандармовъ считаетъ

нужнымъ, въ виду обстоятельствъ или событій, къ которымъ сами заключенные не имѣли, можетъ быть, никакого отношенія.

Приступая къ описанію ежедневной жизни русскихъ революціонеровъ въ тюрьмѣ, я желалъ бы обратить вниманіе прежде всего на три разряда фактовъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ тюрьмѣ и которые чрезвычайно сильно вліяютъ на состояніе духа заключенныхъ въ ней. Эти разряды фактовъ, о которыхъ я говорю и которымъ я посвящу остальную часть этой статьи, слѣдующіе: во 1-хъ, обычай арестовывать людей безъ разбора, съ цѣлью терроризировать и въ надеждѣ разыскать нити революціонной дѣятельности; во 2-хъ, заключеніе людей въ тюрьму, какъ средство пытки для того, чтобы добиться отъ нихъ сознанія и выдачи друзей; и, въ 3-хъ, незаконное содержаніе политически-заподозрѣнныхъ въ одиночномъ заключеніи въ продолженіи мѣсяцевъ и даже годовъ, въ то время какъ полиція разыскиваетъ по всей имперіи улики для ихъ обвиненія. Всѣ эти средства практиковались въ Россіи въ самой широкой мѣрѣ; вѣроятно, что это-то и способствовало главнымъ образомъ тому, что

тлѣющія искры недовольства разгорѣлись въ ужасное пламя террористической борьбы. Говоря о политическихъ арестахъ, что они производятся „безъ разбора“, я не хочу, конечно, сказать, что полиція въ Россіи арестуетъ людей такъ же, какъ Милису, бѣгающій по улицамъ и хватающій каждаго, кто ему попадется. Полицейскіе аресты, какъ бы они ни были многочисленны, всегда распространяются на одинъ только разрядъ людей, оффиціально извѣстный въ Россіи подъ названіемъ „неблагонадежныхъ“.

Это слово не имѣетъ подходящаго значенія на англійскомъ языкѣ и оно до такой степени чуждо нашему уму, что его нельзя перевести, а можно только приблизительно объяснить его значеніе. Составленное изъ словъ „благо“ и „надежда“, оно выражаетъ собою такія условія, при которыхъ можно надѣяться, что совершится нѣчто хорошее, „неблагонадежность“ — отрицательное понятіе этого сложнаго слова и на оффиціальномъ языкѣ означаетъ, приблизительно, то, что на человѣка нельзя надѣяться въ политическомъ отношеніи. Терминъ „неблагонадежность“ примѣняется правительствомъ ко всѣмъ лицамъ,

политическія мнѣнія которыхъ не совпадаютъ строго съ воззрѣніями правительства и поведеніе которыхъ потому должно подлежать надзору. Статистики этого „неблагонадежнаго“ элемента, конечно, не существуетъ; но въ 1880 г., при либеральномъ министерствѣ Лорисъ-Меликова, лицъ, находящихся подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, значилось оффиціально 2837 чел., распредѣленныхъ по губ. слѣдующимъ образомъ: въ С.-Петербургѣ — 273 чел., въ Москвѣ — 101, въ Калугѣ — 165, въ Архангельскѣ — 96, и въ др. губ. — 1434. (Аксаковская „Русь“ № 46, сентябрь 26, 1881 г.). Надо, однако-же, сказать, что лица, находящіяся подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, представляютъ собою только небольшую часть громаднаго класса „неблагонадежныхъ людей“. Это по большей части лица, насильственно удаленныя изъ своего мѣстожительства въ другія мѣста государства для того, чтобы лѣшить ихъ мѣстныхъ связей, и подвергающіяся въ опредѣленное время посѣщеніямъ полиціи. Тысячи другихъ, которыя не были такимъ образомъ сосланы, находятся подъ тайнымъ надзоромъ и еще тысячи третьихъ записаны въ жандармскихъ и полицей-

скихъ книгахъ. При каждомъ новомъ актѣ насилія или покушенія со стороны крайней революціонной партіи, полиція дѣлаетъ внезапный набѣгъ на всѣхъ неблагонадежныхъ лицъ въ городѣ, гдѣ подобное событіе совершилось, хватаетъ и сажаетъ въ тюрьму десятки людей виновныхъ и невинныхъ, чтобы потомъ разобрать ихъ на досугѣ. Когда генералу Стрѣльникову была ввѣрена царемъ почти диктаторская власть, для подавленія крамолы въ губ. южной Россіи, онъ въ три дня арестовалъ и заключалъ въ тюрьму не менѣе 118 человѣкъ въ одной только Одессѣ. Затѣмъ отправился въ Кіевъ и арестовалъ 89 человѣкъ почти одновременно и приказалъ арестовать сотни другихъ — въ Харьковѣ, Николаевѣ, Полтавѣ, Курскѣ и другихъ южныхъ городахъ Россіи. Большая часть этихъ арестовъ производилась совершенно безъ, такъ называемыхъ, законныхъ уликъ, единственно только съ цѣлью добыть свѣдѣнія о заговорахъ, существованіе которыхъ полиція предполагала, но которые ей неудавалось раскрыть. Многіе изъ арестованныхъ были просто дѣти, несовершеннолѣтніе учащіеся мальчики и дѣвушки отъ 15 до 17 лѣтъ, которые ни-

какимъ образомъ не могли считаться опасными заговорщиками, но которыхъ по мнѣнію полиціи, можно было запугать и заставить сознаться во всемъ, что они знали о замыслахъ, разговорахъ и занятіяхъ ихъ старшихъ родственниковъ и друзей. Планъ Стрѣлникова таковъ: арестовать одновременно какъ можно болѣе лицъ изъ „неблагонадежныхъ“, запереть ихъ въ тюрьму, продержать дней 10 или 15 въ строжайшемъ одиночномъ заключеніи и затѣмъ подвергнуть страшному инквизаторскому допросу съ цѣлью хоть что-нибудь разунать отъ каждаго и потомъ составить изъ такихъ отрывковъ цѣлый революціонный заговоръ. Если, напр., молодая дѣвушка, принадлежащая къ „неблагонадежной“ семьѣ, получила подозрительное письмо, перехваченное полиціей, или была замѣчена выходящей изъ „заподозрѣннаго“ дома поздно вечеромъ, то ее сейчасъ же арестовывали, обыкновенно, ночью, препровождали въ закрытой каретѣ въ Одесскую тюрьму, сажали въ тѣсную одиночную камеру и предоставляли ее собственнымъ ея ужаснымъ мыслямъ. Ей не давали никакого объясненія, и если она обращалась съ вопросомъ къ караульному

солдату въ корридорѣ, то получала единственный отвѣтъ: „Приказано не говорить“. Дѣйствіе, производимое на молодую, неопытную, впечатлительную дѣвушку подобнымъ внезапнымъ переходомъ среди ночи отъ спокойствія ея собственнаго дома къ этой узкой, мрачной камерѣ тюрьмы, можно себѣ легко представить. Даже при большомъ мужествѣ и твердости характера легко потерять самообладаніе отъ такой пытки. Единственные звуки, нарушающіе тишину тюрьмы, — это тяжелые шаги караульнаго, слабо доносящіеся крики, буйство какого-нибудь пьянаго, котораго связываютъ на другомъ концѣ зданія; при этомъ неопытной дѣвушкѣ представляются страшныя сцены насилія и оскорбленій; хлопанье тяжелыхъ дверей, стоны и истерическій плачъ другихъ, только-что арестованныхъ политическихъ преступниковъ въ сосѣднихъ номерахъ. Все это, вмѣстѣ взятое, какъ и внезапное, безшумное появленіе отъ времени до времени незнакомаго лица въ четыреугольномъ отверстіи, продѣланномъ въ двери для наблюденіи за заключенными, — все это способствуетъ тому, чтобы первая ночь въ тюрьмѣ бываетъ для молодой дѣвушки такимъ страшнымъ испыта-

ніемъ, которое до конца ея жизни неизгладится изъ ея памяти. Но все это только начало той пытки, которой должны подвергнуться ея мужество и самообладаніе. Проходитъ день, другой, три дня, десять дней, не принося ей никакихъ извѣстій, никакихъ объясненій относительно того, въ чемъ она обвиняется. Два раза въ сутки молчаливый сторожъ подаетъ ей пищу черезъ четыреугольное отверстіе въ двери, и ничто, кромѣ этого, не нарушаетъ однообразія и одиночества ея жизни. У нея нѣтъ ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей, ничего, чтобы разсѣять ея мысли и ослабить то напряженное состояніе, которое скоро дѣлается нестерпимымъ. Терзаясь мучительными предчувствіями и полной неизвѣстностью относительно своей собственной судьбы и судьбы тѣхъ, кто ей дорогъ, она можетъ только метаться по своей камерѣ изъ угла въ уголъ до изнеможенія, чтобы затѣмъ броситься на узкую тюремную кровать и постараться забыться во снѣ. Наконецъ, черезъ недѣлю, можетъ быть черезъ двѣ, послѣ ея ареста, когда думаютъ, что она достаточно смирилась духомъ, подъ вліяніемъ одиночества и горя, ее требуютъ къ предва-

рительному допросу, который производится безъ свидѣтелей и защитника самимъ Стрѣльниковымъ. Приступая къ допросу, онъ объявляетъ ей, что она обвиняется въ чрезвычайно важныхъ преступленіяхъ по такимъ-то и такимъ-то статьямъ свода уголовныхъ законовъ и что ей грозитъ ссылка въ Сибирь на долгіе годы. Въ виду, однако-же, ея молодости, неопытности и возможности предположенія, что она была совращена на этотъ путь преступными товарищами, онъ считаетъ себя въ правѣ сказать ей, что, если она проявитъ искренне раскаяніе, чистосердечно сознается въ своихъ заблужденіяхъ и сообщитъ безъ утайки ему все, что ей извѣстно по дѣлу, а также правдиво отвѣтитъ на заданные ей вопросы, то она будетъ тотчасъ же отпущена на свободу. Если же она, напротивъ, проявитъ упорство и тѣмъ покажетъ себя недостойною милосердія, то его долгъ, какъ члена исполнительной власти государства, поступить съ нею по всей строгости закона". Бѣдная дѣвушка отлично знаетъ, что слова о ссылкѣ въ Сибирь не простая угроза. Принадлежа къ неблагонадежной семьѣ, она часто слышала разсказы о Маріи Присец-

кой*), которая была сослана, когда ей не было 16-ти лѣтъ, за то, что не хотѣла выдать свою старшую сестру, и Ивичевичей, сестру и брата, 17-ти и 14-ти лѣтъ, которые были арестованы въ Кіевѣ и сосланы въ Сибирь**) въ 1879 г. безъ всякой другой причины, кромѣ той, что ихъ два старшіе брата принадлежали къ революціонной партіи и были застрѣлены при

---

*) Иванъ Максимовичъ Присецкій — богатый землевладѣлецъ Зеньковскаго уѣзда Полтавской губерніи. Его собственная преданность царю никогда не была заподозрѣна, но всѣ его дѣти — три дочери и одинъ сынъ — сосланы въ Сибирь за различныя политическія дѣла. Двое изъ нихъ въ Семипалатинскѣ, на границѣ Средней Азіи, третья въ тюрьмѣ на Карѣ у истоковъ Амура, а четвертый былъ до послѣдняго времени въ деревнѣ Тунка около пограничной линіи между Восточной Сибирью и Монголіей. Я познакомился съ тремя изъ нихъ, въ мѣстахъ ихъ ссылки, во время моего послѣдняго путешестія по Сибири и вынесъ изъ этого знакомства самое лучшее впечатлѣніе. Отправляясь въ любую страну путешественникъ не могъ бы заранѣе расчитывать встрѣтить такихъ развитыхъ, образованныхъ и привлекательныхъ молодыхъ людей.

**) Ивичевичъ: Христина, дѣвушка 17-ти лѣтъ, и братъ 14-ти лѣтъ, были сосланы въ Киренскъ Иркутской губерніи, болѣе 4-хъ тысячъ англійскихъ миль на востокъ отъ С.-Петербурга.

вооруженномъ сопротивленіи. Не удивительно, если молодая дѣвушка, доведенная до отчаянія одиночнымъ заключеніемъ, безъ знанія законовъ, безъ защитника и безъ поддержки друзей въ такую критическую минуту, не устоитъ подъ вліяніемъ смертельнаго страха и скажетъ инквизитору все, что она знаетъ. Она становится свободной, но только для того, чтобы испытывать страшныя муки угрызенія совѣсти и раскаянія, когда она увидитъ, что самыхъ дорогихъ ей людей арестуютъ, сажаютъ въ тюрьму и ссылаютъ въ Сибирь на основаніи тѣхъ показаній, которыя она сама дала. Часто однако же случается, что дѣвушка остается непоколебимою и отказывается отвѣчать на вопросы, даже послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Тогда власти прибѣгаютъ къ еще болѣе безнравственнымъ средствамъ.

Въ 1883 году, Марія Калюжная, дѣвушка 18-ти лѣтъ, дочь одесскаго купца была арестована по обвиненію въ неблагонадежности, посажена въ тюрьму и подвергнута всему тому, что я сейчасъ описывалъ. Она была однако же дѣвушка умная и съ сильнымъ характеромъ и твердо выдерживала въ продол-

женіи многихъ мѣсяцевъ всѣ попытки запугать ее и заставить выдать своихъ друзей. Наконецъ полковникъ Катанскій, одесскій жандармскій офицеръ, приноситъ ее искусно поддѣланныя ложныя показанія, яко бы данныя ея арестованными сообщниками. Въ дѣйствительности же, документъ этотъ былъ приготовленъ самими жандармами на основаніи свѣдѣній, добытыхъ черезъ шпіоновъ, съ прибавленіемъ собственныхъ догадокъ и соображеній; — это былъ искусно задуманный планъ добиться отъ Калюжиной обманомъ такихъ показаній, которыя могли бы служить обвиненіемъ для ея товарищей, находящихся въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда. Полковникъ Катанскій съ жестокимъ лицемѣріемъ говорилъ Калюжной, что онъ является къ ней не какъ правительственное лицо, но какъ другъ, чтобы сообщить ей показанія ея товарищей и уговорить ее спасти себя, пока еще есть время. Упорство ея и отказъ отвѣчать не могутъ болѣе принести никакой пользы ея товарищамъ, такъ какъ они уже сознались въ своей винѣ. Прокуроръ не узнаетъ, что онъ, Катанскій, показалъ ей эти бумаги и будетъ думать, если она только выразитъ готовность

отвѣчать на вопросы, что она раскаялась. Противъ нея нѣтъ серьезныхъ обвиненій и только ея продолжительное упорство препятствовало ея немедленному освобожденію. Она должна только выразить смиреніе и раскаяніе; не нужно даже сообщать чего-нибудь новаго, только подтвердить то, что уже извѣстно полиціи и въ чемъ ея товарищи сами сознались. Неужели она захочетъ погубить свою молодую жизнь изъ-за ошибочнаго донкихотскаго чувства чести, которое не можетъ болѣе принести пользы ея товарищамъ? Они сознались, имъ не станетъ хуже отъ того, что она подтвердитъ ихъ собственныя показанія. Прокуроръ не узнаетъ о томъ, что ей было извѣстно ихъ сознаніе, онъ подумаетъ, что ея согласіе отвѣчать — результатъ искренняго раскаянія, и, нѣтъ сомнѣнія, тотчасъ же отдастъ приказъ объ ея освобожденіи. Калюжная попалась въ эту ловушку! Она послала сказать прокурору, что готова дать свои показанія, и на допросѣ подтвердила такіе факты, которые она считала вполнѣ извѣстными полиціи, но относительно которыхъ въ дѣйствительности не было никакихъ доказательствъ. Выполнивъ такимъ образомъ без-

сознательно ту цѣль, для которой она была арестована, Калюжная была выпущена изъ тюрьмы и снова отдана подъ надзоръ полиціи. Когда наступило слѣдствіе по дѣлу ея товарищей, она узнала, конечно, что никто изъ нихъ не сознавался и что противъ нихъ не было никакихъ серьезныхъ уликъ, кромѣ тѣхъ, которыя дала она. Ужасъ такого положенія для любящей, великодушной и высокочестной дѣвушки можно себѣ представить. Она видѣла, что ея друзей ссылаютъ на каторжныя работы вслѣдствіе ея показаній, она же не можетъ ни раздѣлить ихъ участь, ни объяснить имъ обманъ, жертвой котораго она была. Она являлась передъ ними низкимъ трусомъ, выдавшимъ своихъ товарищей для того, чтобы спасти себя. Нѣкоторое время раскаяніе и отчаяніе, овладѣвшее ею, было такъ сильно, что грозило кончиться съумасшествіемъ или самоубійствомъ, но, когда наконецъ къ ней вернулось самообладаніе, въ умѣ ея сталъ постепенно созрѣвать планъ мщенія за нестерпимое зло, причиненное ей, и она рѣшилась доказать всему свѣту, что, если она невольно выдала своихъ товарищей, то она не боится и раздѣлить ихъ участь.

Она достала револьверъ, явилась къ полковнику Катанскому 8—20 Августа 1884 г. и выстрѣлила въ него въ то время, когда онъ входилъ въ пріемную комнату. Пуля сколзнула по его головѣ, слегка поранивъ одно ухо и засѣла въ стѣнѣ. Прежде чѣмъ она успѣла выстрѣлить еще разъ, онъ кинулся къ ней и выхватилъ револьверъ изъ ея руки. За это покушеніе Калюжную судили военно-окружнымъ судомъ 10 сентября того же года. Такъ какъ ея единственнымъ желаніемъ было попасть къ своимъ товарищамъ въ Сибирь, то она отказалась отъ всякой защиты и сама во всемъ созналась. Судъ обвинилъ ее въ умышленномъ нападеніи, съ цѣлью убійства, и приговорилъ къ 20-ти лѣтней каторжной работѣ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ начала послѣдняго акта этой печальной трагедіи. Случилось такъ, что я былъ въ городѣ Читѣ въ Восточной Сибири, 8 Декабря 1886 года, когда Марія Калюжная выходила оттуда пѣшкомъ, въ арестантскомъ платьѣ, въ толпѣ закованныхъ арестантовъ, при температурѣ 20° мороза, по пути къ Карійскимъ рудникамъ. Я испытываю какое-то грустное удовольствіе при мысли, что несчастная дѣ-

вушка, уходя усталая и убитая съ этапа въ страшный морозъ декабрьскаго утра, знала, по крайней мѣрѣ, что тутъ есть американскій путешественникъ который знаетъ ея исторію и разскажетъ современемъ міру, почему она покушалась на убійство. — Можетъ быть, подумаютъ, что такіе случаи рѣдки и исключительны, но я, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что слышалъ подобныя исторіи отъ ссыльныхъ во всѣхъ мѣстахъ Сибири, а также отъ многихъ русскихъ оффиціальныхъ лицъ. Въ той-же Одессѣ повторялись попытки такого-же обмана. Такъ, напр. годомъ раньше пытались обмануть посредствомъ подложныхъ показаній Фанни Морейнисъ, которая находится теперь въ ссылкѣ въ Забайкальской области. Тоже самое пробовали сдѣлать съ г-жею Кутитонской, которая теперь въ тюрьмѣ въ Иркутскѣ. Въ этихъ случаяхъ однако же планъ не удался. — Когда одиночнаго заключенія и обмана оказывается недостаточно для достиженія желательныхъ результатовъ, жандармы и судебныя лица прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, которыя, быть можетъ, менѣе безчестны, но одинаково жестоки. Въ Мартѣ 1882 года ген. Стрѣль-

никовъ, находя, что одиночное заключеніе въ мрачной и дурно вентилированной Кіевской тюрьмѣ представляетъ само по себѣ не до статочно сильную пытку для заключенныхъ, чтобы довести ихъ до сознанія въ томъ, что они, по его предположенію, знали о революціонномъ движеніи, рѣшилъ сдѣлать ихъ положеніе еще болѣе невыносимымъ и сломить, если возможно, ихъ упорство, лишивъ ихъ свѣта. Подъ предлогомъ отнятія у нихъ возможности разговаривать другъ съ другомъ черезъ окна, онъ приказалъ придѣлать къ окнамъ всѣхъ камеръ, гдѣ сидѣли политическіе преступники желѣзные щиты. Щитъ закрывалъ собою все окно и имѣлъ видъ простаго прямоугольнаго ящика безъ крышки и безъ одной стороны. Онъ прилегалъ плотно къ окну сверху и съ боковыхъ сторонъ, а снизу оставалось отверстіе. Результатомъ подобнаго устройства являлось почти совершенное лишеніе заключенныхъ свѣта и воздуха, а камеры превращались въ нѣчто похожее на погребъ или западню. Свѣтъ, проходившій черезъ отверстіе внизу щита, только позволялъ заключеннымъ различать день отъ ночи. Ремесленникъ, дѣлавшій эти щиты, за-

мѣтилъ ген. Стрѣльникову, что они не будутъ отвѣчать той цѣли, для которой они предназначены, что говорить черезъ окна будетъ такъ же легко, какъ и прежде, но ему рѣзко отвѣтили, что это — не его дѣло. Конечно, жизнь заключенныхъ при такихъ условіяхъ сдѣлалась почти нестерпимой. Молодыя, нервныя и впечатлительныя дѣвушки ходили въ этой темнотѣ изъ угла въ уголъ по своимъ камерамъ, близкія къ помѣшательству. Даже оффиціальныя лица тюремнаго персонала выражали страдалицамъ свое участіе и сожалѣніе. Наконецъ, послѣдніе обратились съ ходатайствомъ къ ген.-губернатору Дрентельну, прося его прислать чиновника осмотрѣть ихъ камеры. и, если возможно, вступиться за нихъ. Въ отвѣтъ на это ходатайство, кіевскій губернаторъ посѣтилъ, по приказанію генералъ-губернатора Дрентельна, тюрьму, вошелъ въ камеру одного молодаго студента, котораго я встрѣтилъ потомъ въ Сибири и спросилъ его: „какъ вы думаете, въ чемъ заключается назначеніе этихъ щитовъ?“ Х. отвѣчалъ, что они устроены, по приказанію ген. Стрѣльникова для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ разговоры между за-

ключенными. „Достигаютъ ли они желаемой цѣли?“ спросилъ губернаторъ. „Нѣтъ, отвѣчалъ студентъ, я могу доказать вамъ, если вы, желаете, что разговаривать черезъ окно также легко, какъ и раньше“. „Покажите, пожалуйста, сказалъ губернаторъ.“ Х. подошелъ къ окну и позвалъ заключеннаго нижней камеры. Товарищъ отвѣчалъ ему и они продолжали разговоръ, пока губернаторъ не заявилъ, что онъ удовлетворенъ. „Я понимаю, обратился онъ къ Х., ваше положеніе, но я не могу дать вамъ никакой надежды на какую-нибудь перемѣну: въ настоящее время ген. Стрѣльниковъ дѣйствуетъ на основаніи власти, данной ему самимъ Государемъ, и онъ совершенно независимъ не только отъ ген. губ. Дрентельна, но и отъ самого министра внутреннихъ дѣлъ; поэтому губернскія власти ничего тутъ сдѣлать не могутъ.“ На другой день послѣ посѣщенія губернаторомъ тюрьмы ген. Стрѣльниковъ былъ убитъ въ Одессѣ. Щиты были тотчасъ-же сняты съ оконъ при радостномъ возбужденіи политическихъ преступниковъ, которыхъ это событіе до такой степени развеселило, что они предложили губернатору употребить эти желѣзные щи-

ты, какъ матеріалъ для памятника ихъ изобрѣтателю. — У меня остается мѣсто только для краткаго описанія различныхъ другихъ способовъ вынужденія у арестованныхъ показаній, практикуемыхъ жандармами и лицами судебнаго вѣдомства. Одинъ изъ самыхъ жестокихъ между ними есть, по моему мнѣнію, слѣдующій: старыхъ и слабыхъ родителей запугиваютъ увѣреніями, что ихъ сыновья или дочери неизбѣжно должны быть повѣшены, если они не сознаются, и заставляютъ этихъ бѣдныхъ стариковъ, дрожащихъ отъ страха и горя, вымаливать признаніе у своихъ дѣтей. Чиновники отлично знаютъ, что дѣти не будутъ повѣшены, что даже въ высшей степени сомнительно, подлежатъ ли они суду. Ихъ держатъ въ тюрьмахъ только потому, что прокуроръ надѣется въ концѣ-концовъ добиться отъ нихъ показаніи. Если пытка одиночнаго заключенія можетъ быть усилена этими мольбами полуобезумѣвшихъ родителей, тѣмъ лучше. Немного страха можетъ быть, полезно и для стариковъ: это научитъ ихъ наблюдать лучше за своими дѣтьми, а упорная рѣшимость дѣтей не выдавать своихъ товарищей сломится, быть мо-

жетъ, при видѣ отчаянія и горя родителей. По мнѣнію правительства, средство это полезно для обѣихъ сторонъ. Мать одного кіевскаго студента Жебунева, женщина 65-ти лѣтъ, была такъ поражена живымъ описаніемъ ген. Стрѣльникова, какъ ея сынъ, если только онъ не сознается, будетъ качаться и болтать ногами въ воздухѣ съ петлей на шеѣ, что она упала въ обморокъ на полу прокурорской пріемной. Стрѣльниковъ, однако же, отлично зналъ, что у него въ рукахъ нѣтъ достаточно доказательствъ даже для того, чтобы судить Жебунена, не только для того, чтобы повѣсить его. Молодой студентъ, дѣйствительно, и не былъ судимъ, но былъ сосланъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ. Другую престарѣлую мать одного ссыльнаго, котораго я встрѣтилъ въ Забайкальской области, увѣрили, что ея сынъ будетъ непремѣнно повѣшенъ, если онъ не скажетъ всего, что знаетъ, и подъ условіемъ что мать постарается склонить сына къ признанію, позволили ей имѣть съ сыномъ свиданіе въ камерѣ. Тамъ произошла ужасная сцена: старая, сѣдая мать, убезумѣвшая отъ страха и задыхающаяся отъ рыданій, упала на колѣни пе-

редъ своимъ сыномъ, ухватилась за его ноги, прижимая къ нимъ свое лицо, облитое слезами, и умоляя его, ради любви къ ней, ради ея сѣдыхъ волосъ обѣщать, что онъ отвѣтитъ на вопросы жандармовъ. Страшно испытаніе, которому подверглись въ этой сценѣ чувство и рѣшимость заключеннаго, подавленнаго о обезсиленнаго многими мѣсяцами одиночнаго заключенія, любившаго и уважавшаго свою мать, увидѣвшаго ее въ первый разъ послѣ своего ареста и, можетъ быть, въ послѣдней до своей ссылки въ Сибирь, — не можетъ быть передана никакими-словами. Наконецъ, мать уходитъ, въ отчаяньи, прощаясь со своимъ сыномъ, какъ бы она прощалась съ умирающимъ, а въ сердцѣ, сына, между тѣмъ, глубоко запечатлѣвается воспоминанье объ этихъ горькихъ минутахъ, о жестокомъ обманѣ его матери, о своихъ собственныхъ мукахъ и попыткѣ заставить служить полицейскимъ цѣля самыя священныя человѣческія чувства. Это — такія воспоминанія, которыя притупятъ его нервы и закалятъ его сердце, когда наступитъ часъ мести.

Манера выпытывать показанія, затрогивающая самыя глубокія и сильныя чувства чело-

вѣческаго сердца, практиковалась болѣе или менѣе во всѣхъ русскихъ тюрьмахъ, гдѣ содержались политическіе преступники. Подробности каждаго случая, конечно, чрезвычайно разнообразны, смотря по обстоятельствамъ и степени изобрѣтательности инквизитора. Одному заключенному, напр., обѣщаютъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ одиночнаго заключенія дать свиданіе съ матерью. Преисполненной радостной надеждой, онъ идетъ за караульнымъ черезъ мрачный и длинный корридоръ на тюремный дворъ, гдѣ его мать сидитъ на жесткой тюремной скамьѣ въ сорока или пятидесяти шагахъ отъ той двери, черезъ которую онъ выходитъ. При видѣ дорогаго лица, дышащаго любовью къ нему, измѣнившагося и состарѣвшагося отъ горя, съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ видѣлъ ее, сердце его переполняется жалостью и нѣжностью и онъ кидается обнять ее, но караульный останавливаетъ его и говоритъ, что свиданіе должно произойти не здѣсь, а въ тюремной пріемной, куда его и ведутъ. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ десять минутъ, пятнадцать, полчаса, наконецъ, дверь отворяется, онъ бросается къ двери, но его встрѣчаетъ

не мать, а прокуроръ, который спрашиваетъ его, не измѣнилъ ли онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, своего рѣшенія касательно отвѣтовъ на предложенные ему вопросы. Онъ отвѣчаетъ, что предполагалъ, что его привели сюда для свиданія съ матерью, а не для допроса. Прокуроръ однако же объявляетъ ему, что свиданіе съ родными — привиллегія, которая не дается упрямымъ и закоренѣлымъ преступникамъ, и что, если онъ не имѣетъ ничего болѣе прибавить къ своимъ показаніямъ, то его отведутъ опять въ камеру. Разочарованный, озлобленный юноша возвращается въ свое одиночество съ болѣе глубокой ненавистью въ сердцѣ и усиленною жаждою мести, а убитая горемъ мать, отчаянье которой возрасло при видѣ мелькнувшаго передъ ея глазами сына въ арестантскомъ платье, окруженнаго карауломъ, удаляется одинокая въ свою дальнюю деревню.

А вотъ еще случай, о которомъ я также слышалъ въ Сибири. Арестована была молодая замужная женщина съ ребенкомъ. Она отказалась отвѣчать на вопросы, предлагаемые ей, съ цѣлью добыть улики противъ ея друзей, и жандармскій офицевъ, производив-

шій допросъ пригрозилъ ей отнять у нея ребенка, если она будетъ упорствовать. Тогда она обратилась къ прокурору съ вопросомъ, существуетъ ли такой законъ, по которому жандармскій офицеръ можетъ у нея отнять ребенка, если она откажется отвѣчать. Прокуроръ вмѣсто прямаго отвѣта сказалъ, что самое благразумное для нея не поднимать вопроса о законности власти допрашивающаго офицера, а сказать ему откровенно все, что знаетъ, тогда, навѣрное, онъ не отниметъ у нея ребенка. Но даже ввиду такой странной для матери угрозы (ей еще не было 20 лѣтъ, когда я познакомился съ ней въ Сибири), она все же оказалась непоколебимой въ своемъ рѣшеніи не выдавать товарищей. Ребенка все-таки оставили у нея; но она находилась все время въ мучительномъ страхѣ, одно воспоминаніе о которомъ заставляло ее заливаться слезами.

Я распространился на эти иллюстраціи тюремныхъ нравовъ и средствъ выпытыванія показаній у политическихъ преступниковъ отчасти потому, что, мнѣ кажется, онѣ яснѣе всего даютъ представленіе о томъ состояніи умовъ, которое выразилось въ такъ называемой

„террористической“ дѣятельности. Какъ ни смотрѣть на терроризмъ съ точки зрѣнія нравственности, но сказаннаго мною достаточно, чтобы понять причины, вызвавшія это явленіе, — и нѣтъ никакой нужды предполагать, что русскіе революціонеры страдаютъ маніей убійства, или что они — безчеловѣчно жестокіе люди.

Пожалуй подумаешь, что оффиціальныя лица, способныя обращаться такимъ образомъ съ заключенными, люди по природѣ — жестокіе и безсердечные, но такое предположеніе было-бы во многихъ случаяхъ, можетъ быть, даже въ большинствѣ — ошибочнымъ. Многія изъ этихъ правительственныхъ лицъ отъ природы не хуже другихъ людей, но они воспитались при системѣ не терпимости ко всякой оппозиціи, въ особенности, къ той формѣ оппозиціи, которая называется въ Россіи неповиновеніемъ; они привыкли смотрѣть на себя, какъ на повелителей народа, а не какъ на служителей его; они не чувствовали на себѣ лично всей тяжести правительственнаго гнета; они были раздражены и озлоблены долгой борьбой съ безстрашными, отчаянными людьми, мотивовъ и характеровъ

которыхъ они ни могутъ понять и которыхъ они считаютъ безразсудными фанатиками и измѣнниками; наконецъ, ихъ карьера и ихъ состояніе зависятъ отъ успѣха въ этой борьбѣ.

Встрѣтилъ я въ городѣ Читѣ, Восточной Сибири, одного русскаго полковника Новикова, командовавшаго отрядомъ казаковъ, охранявшихъ Карійскіе рудники. Онъ былъ въ 1880 году однимъ изъ членовъ военнаго суда надъ Россиковой, Анной Алексѣевой и другими политическими преступниками въ Одессѣ. Это былъ человѣкъ приблизительно 45 лѣтъ, нѣжно привязанный къ своей семьѣ, хорошо и гуманно обращавшійся съ обыкновенными уголовными преступниками и вовсе не казавшійся человѣкомъ жестокимъ или мстительнымъ. И вотъ этотъ-то образованный, учтивый, лично привлекательный человѣкъ, говоря со мною о политическихъ преступникахъ, въ судѣ надъ которыми онъ присутствовалъ, въ качествѣ судьи, сказалъ мнѣ: „если бы была моя воля, я всѣхъ бы ихъ выпоролъ шпицрутенами“. Надо пояснить, что шпицрутены — это жестокое показаніе, бывшее въ большомъ употребленіи въ Сибири

въ прежнее время, прилагавшееся къ самому послѣднему разряду преступниковъ и извѣстное еще подъ другимъ названіемъ: „погнать сквозь строй“. Арестантъ, обнаженный до пояса, долженъ былъ проходить медленнымъ шагомъ между двумя рядами солдатъ, вооруженныхъ прутьями, достаточно тонкими, чтобы войти въ ружейное дуло, и получить отъ каждаго солдата по удару.

Число ударовъ назначалось отъ двухъ до пяти тысячъ. Двѣ тысячи составляли минимумъ, указанный въ законѣ. Человѣкъ, подвергнутый такому наказанію, если только онъ не былъ исключительно сильный и крѣпкій человѣкъ, обыкновенно падалъ безъ сознанія до полученія назначеннаго количества ударовъ, и его относили съ мѣста наказанія прямо въ больницу. — Вотъ этому то наказанію хотѣлъ подвергнуть полковникъ Новиковъ политическихъ преступниковъ и даже предлагалъ это суду, членомъ котораго состоялъ. „Если бы — прибавилъ онъ — ихъ наказывали подобнымъ образомъ, мы скоро увидѣли бы конецъ политической агитаціи.“ Если принять во вниманіе, что подобное наказаніе политическихъ преступниковъ было

дѣйствительно предложено и защищаемо однимъ изъ судей и что этотъ судья, казалось, не скрывалъ жестокость и варварство этой мѣры, то становится вовсе не удивительнымъ, что жандармскіе офицеры и прокуроры такъ легко смотрятъ на такія сравнительно жестокія вещи, какъ аресты невинныхъ вмѣстѣ съ виновными, запугиваніе родителей и обманъ упорныхъ и непокорныхъ, отказывающихся отъ показаній. Но я еще не исчерпалъ всего, что слѣдуетъ принять въ соображеніе, при желаніи объяснить себѣ, такъ называемую, политику „террора“.

Другая причина „закаленной“ интенсивности чувства и такого возмездія есть незаконное содержаніе, подозрительныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ цѣлыми мѣсяцами и годами въ одиночномъ заключеніи, пока полиція собираетъ по всей имперіи улики противъ нихъ. На судѣ цареубійцъ въ 1881 г. въ Петербургѣ г. Герардъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ адвокатовъ и одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ защитниковъ обвиняемыхъ, попытался обратить вниманіе суда на эту причину, напомнивъ хорошо извѣстный фактъ, что изъ тысячи слишкомъ лицъ, арестован-

ныхъ по, такъ называемой, „революціонной пропагандѣ“ съ 1872 по 1875 г. и содержавшихся въ одиночномъ заключеніи отъ одного до четырехъ лѣтъ, только 193 ч. были преданы суду и даже изъ этого числа 90 человѣкъ было оправданы судьями, избранными самимъ правительствомъ*). Другими словами болѣе 900 человѣкъ, невинность которыхъ была признана самимъ правительствомъ, были продержаны въ одиночномъ заключеніи срокомъ отъ одного до 4-хъ лѣтъ и впродолженіи этого времени 80 изъ нихъ, т. е. почти 10 %, лишили себя жизни или сошли съ ума**).

Едва только началъ развивать г. Герардъ свою рѣчь, судъ остановилъ его и приказалъ

---

*) Оффиціальный стенографическій отчетъ процесса надъ цареубійцами въ С.-Петербургѣ въ 1881 г.

**) Оффиціально засвидѣтельствованная копія съ приговора суда по процессу 193-хъ, подписанная главнымъ секретаремъ Лютовскимъ и помѣченная 15-мъ февр. 1876 г., находится у меня, какъ и „обвинительный актъ“ по этому дѣлу, документъ, содержащій около 350 стр. in folio, скрѣпленный подписью В. Желиховскаго, тов. оберъ прок. кассац. департ. правит. сената.

ограничиться документами, касающими настоящаго дѣла*).

Могъ бы я въ случаѣ надобности, пользуясъ одними оффиціальными документами, имѣющимися у меня, наполнить многія страницы этого журнала именами молодыхъ людей обоего пола, пробывшихъ въ одиночномъ заключеніи отъ одного до 4-хъ лѣтъ, признанныхъ судомъ невиновными или освобожденныхъ безъ суда, потому что полиція, не смотря на свою безграничную власть арестовывать, сажать въ тюрьму, допрашивать, не могла найти даже такихъ уликъ противъ

---

*) Смѣлый и пылкій революціонеръ Мышкинъ, бывшій однимъ изъ обвиняемыхъ по этому процессу, сдѣлалъ попытку изложить эти Факты передъ судомъ въ своей защитительной рѣчи; ему тотчасъ же приказано было замолчать и, когда онъ не захотѣлъ повиноваться, приказано было жандармамъ вывести его изъ зала суда. За его упрямство и дерзкія выраженія на судѣ, его приговорили къ 10 годамъ каторги съ лишеніемъ правъ. (Приговоръ суда по вышеупомянутому процессу 193-хъ ст. 13). — Въ одной изъ слѣдующихъ статей я опишу жизнь Мышкина, который является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ характеровъ, выдвинутыхъ до сихъ поръ русскимъ революціоннымъ движеніемъ.

нихъ, которыя давали бы законное основаніе хотя-бы для заключенія ихъ на одну ночь. Я опишу въ другомъ мѣстѣ, что должны были испытать эти невинные люди; теперь же я хочу обратить вниманіе только на то, что они были заключены въ тюрьму и что въ концѣ-концовъ само правительство признало ихъ невинными. Все вышеизложенное, надо замѣтить, основано не на партійныхъ показаніяхъ, а на непогрѣшимомъ авторитетѣ оффиціальныхъ документовъ.

Естественно возникаетъ вопросъ: какая причина заставляла откладывать судъ на такое долгое время надъ 1000 слишкомъ заключенными?

Отвѣтъ правительства состоитъ въ томъ, что обвиняемые замѣшаны въ революціонномъ заговорѣ, имѣвшемъ очень широкое распространеніе во всѣхъ частяхъ имперіи; что всѣ они связаны между собою такъ тѣсно, что нѣтъ никакой возможности судить ихъ отдѣльно и что судебныя власти не могутъ составить себѣ яснаго понятія о дѣлѣ, пока не будутъ собраны, разсмотрѣны и сопоставлены всѣ улики относительно всѣхъ заподозрѣн-

ныхъ*). Но обвинявшіеся по этому процессу всѣ единогласно отрицаютъ истину этого аргумента. Они говорятъ, что не участвовали въ полномъ составѣ ни въ какомъ революціонномъ заговорѣ; что дѣйствія ихъ въ то время не были преступны, что болѣе трехъ четвертей изъ нихъ были совершенно незнакомы другъ съ другомъ и не имѣли между собой никакихъ сношеній; что дѣло ихъ можно было очень легко раздѣлить и что, наконецъ, само правительство раздѣлило на 18 группъ тѣхъ 193-хъ, которые были преданы суду. Не выражая своего мнѣнія объ справедливости недовольства обвинявшихся, я долженъ сказать, что, мнѣ кажется, какъ несомнѣнно должно казаться и всякому непредубѣжденному человѣку, что отвѣтъ правительства, съ точки зрѣнія оправданія его дѣйствій, недостаточенъ, если бы даже былъ правдивъ. Въ предисловіи обвинительнаго акта этого процесса было сказано: „Осенью 1874 года большая часть пропагандистовъ были заключены въ тюрьму, хотя нѣкоторымъ и уда-

*) Приговоръ по процессу 193-хъ. Засвидѣтельствованная копія, стр. 15.

лось избѣжать ареста и продолжать снова свою преступную дѣятельность до начала 1875 г.“*).

Судъ состоялся только 18 октября 1877 года**); такъ что большая часть пропагандистовъ, включая и тѣ 90 лицъ, которыя были признаны судомъ невинными, пробыли въ одиночномъ заключеніи съ осени 1874 года до 18 октября 1877 года, т. е. впродолженіи 3-хъ лѣтъ. Многіе изъ обвинявшихся были заключены въ мрачные казематы Петропавловской крѣпости и, какъ видно изъ обвинительнаго акта, 40 человѣкъ находилось еще тамъ, когда судъ начался. Сказать въ свое оправданіе, какъ говоритъ правительство, что оно содержало 90 невинныхъ человѣкъ въ тюрьмѣ въ продолженіи 3-хъ лѣтъ и болѣе 800 другихъ невинныхъ отъ одного года до двухъ лѣтъ, потому что оно не могло судить ихъ отдѣльно другъ отъ друга и не сочло возможнымъ въ болѣе короткое время собрать и разсмотрѣть улики противъ всѣхъ 1000 лицъ вмѣстѣ, далеко недостаточно, чтобы

*) Обвинительный актъ по процессу 193-хъ, стр. 8.
**) Приговоръ суда по этому же процессу.

снять съ себя обвиненія въ несправедливости и жестокости, опирающееся на такой фактъ, что болѣе 800 жизней искалѣчено и 80 человѣкъ умерло, лишило себя жизни и сошло съ ума въ тюрьмѣ.

Процессъ пропагандистовъ былъ, конечно, совершенно исключительный. Я не знаю ни одного примѣра, гдѣ-бы столько заключенныхъ такъ долго, оставалось безъ суда, гдѣ бы число обвиняемыхъ было такъ страшно непропорціонально числу признанныхъ дѣйствительно виновными. Впрочемъ, судебная процедура въ Россіи всегда и вездѣ чрезвычайно медленна.

Долгій срокъ одиночнаго заключенія между арестомъ и судомъ причиняетъ много страданій заключеннымъ и вселяетъ чувство страшной обиды въ сердца тѣхъ, которыхъ, въ концѣ-концовъ, объявляютъ невинными.

Такъ, одинъ изъ 193-хъ, который былъ оправданъ судомъ, сказалъ мнѣ съ грустью: „Они наказываютъ насъ прежде тремя годами одиночнаго заключенія, а потомъ судятъ, чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли насъ наказывать.“

Ходъ дѣла обвиняемаго въ политическомъ преступленіи, при обыкновенныхъ, нормальныхъ условіяхъ, приблизительно — слѣдующій: его арестуютъ безъ малѣйшаго предупрежденія, обыкновенно ночью, и запираютъ въ тюрьму.

По прошествіи недѣли или двухъ одиночнаго заключенія, его подвергаютъ предварительному допросу, который ведется жандармскимъ офицеромъ. Для того чтобы онъ не подготовился къ допросу, ему обыкновенно не сообщаютъ, въ чемъ собственно онъ обвиняется.

Жандармы держатся теоріи, что если обвиняемый знаетъ сущность обвиненія, то онъ можетъ сообразить, къ чему будутъ клониться вопросы и подготовиться къ отвѣтамъ на нихъ. Если же онъ ничего не знаетъ объ обвиненіи и даже не знаетъ, допрашивается ли онъ, какъ свидѣтель или какъ обвиняемый, то онъ не такъ быстро пойметъ, къ чему клонятся вопросы, и не такъ будетъ подготовленъ отпарировать ихъ, и легче будетъ поймать его на неосторожныхъ отвѣтахъ. Жандармы оправдываютъ такой способъ дѣй-

ствія тѣмъ, что, „если обвиняемый — невиненъ, то это не можетъ повредить ему, если же онъ виновенъ, то, конечно, нельзя допустить, чтобы онъ сбилъ съ толку допрашивающихъ и ускользнулъ изъ рукъ правосудія. Цѣль допроса теперь, по крайней мѣрѣ, — не его дѣло. Все, что обязанъ онъ дѣлать, это — отвѣчать на вопросы.“ Само собой разумѣется, что обвиняемый, находясь въ такой неизвѣстности, защищаетъ себя и своихъ товарищей при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Если онъ будетъ отвѣчать на всѣ вопросы, онъ не знаетъ, куда это можетъ привести его; если же онъ откажется отвѣчать, то продлитъ безъ всякой надобности свое заключеніе въ тюрьмѣ и дастъ жандармамъ право прибѣгнуть по отношенію къ нему къ тѣмъ мѣрамъ, которыя я здѣсь описывалъ.

Большая часть арестованныхъ избираетъ средній путь, отвѣчая на одни вопросы, отказываясь отъ другихъ. Допросъ оканчивается, когда жандармъ убѣждается, что больше ничего не можетъ вывѣдать. Тогда обвиняемаго ведутъ опять въ камеру, — и проходитъ другая недѣля, въ теченіи которой

жандармы отбираютъ показанія о немъ отъ его знакомыхъ и друзей, отъ полиціи, которая, можетъ быть, уже за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, имѣла тайный надзоръ за нимъ, и отъ всѣхъ лицъ, кто объ немъ можетъ что-либо знать. Вся эта масса показаній препровождается затѣмъ къ прокурору вмѣстѣ съ отчетомъ и замѣчаніями, которыя жандармскій офицеръ считаетъ нужнымъ сдѣлать. Прокуроръ тщательно изучаетъ дѣло, сравниваетъ показанія обвиняемаго съ показаніями свидѣтелей вмѣстѣ съ комментаріями и соображеніями жандармовъ и составляетъ программу новаго ряда вопросовъ, которые должны быть предложены на второмъ допросѣ, болѣе оффиціальномъ и долженствующемъ закончить дѣло для препровожденія его къ министру юстиціи. Какъ я уже говорилъ, до этого времени арестованному ничего неизвѣстно о томъ, въ чемъ его обвиняютъ; онъ не знаетъ, привлеченъ ли онъ, какъ свидѣтель или какъ обвиняемый; онъ не читалъ ни одного показанія, на основаніи которыхъ ставятся вопросы; у него нѣтъ защитника; онъ не знаетъ ничего о томъ, что совершается за стѣнами тюрьмы со времени его ареста.

Трудно представить болѣе беззащитное положеніе.

Прокуроръ начинаетъ допросъ, объявляя арестованному, что онъ обвиняется въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ такими-то и такими статьями уложенія о наказаніяхъ. Большая часть политическихъ обвиненій основывается на статьяхъ 245, 249 и 250, которыя гласятъ такъ. Ст. 245. Изобличенные въ составленіи и распространеніи письменныхъ и печатныхъ сочиненій или изображеній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ Верховной власти, или же къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію его государствомъ, — приговариваются, какъ оскорбители Величества: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ. (Наказаніе это ведетъ за собой ссылку въ Сибирь на всю жизнь, по окончаніи срока каторжныхъ работъ. Пр. автора). — Ст. 249. За бунтъ противъ Верховной власти т. е. возстаніе скопомъ, заговоромъ противъ Государя и государства, а равно за умыселъ ниспровергнуть правительство во всемъ государствѣ или въ нѣкоторой части онаго, или

же перемѣнить образъ правленія или установленный законами порядокъ наслѣдія престола и для составленія на сей конецъ заговора или принятія участія въ составленномъ уже для того заговорѣ или же въ дѣйствіяхъ онаго съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, или же въ сборѣ, храненіи или раздачѣ оружія и другихъ приготовленіяхъ къ бунту, — всѣ, какъ главные въ томъ виновные, такъ и сообщники ихъ, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. Тѣ, которые, знавъ о такомъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности, приговариваются къ тому же наказанію.

Ст. 250. Когда, означенное въ статьѣ 249, злоумышленіе открыто правительствомъ заблаговременно, такъ что ни покушеній, ни смятеній, ни иныхъ вредныхъ послѣдствій не произошло, однако, виновные обнаружили умыселъ дѣйствовать для достиженія своей преступной цѣли насильственно, то они вмѣсто

смертной казни, приговариваются, смотря по большей или меньшей важности преступнаго ихъ умысла, по степени ихъ участія въ заговорѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ или же въ крѣпостяхъ на время отъ 10 до 12 лѣтъ. Если же виновные не обнаружили умысла дѣйствовать насильственно, но составили общество направленное къ достиженію, хотя бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ цѣлей, указанныхъ въ 249 ст., или вступили въ подобное общество, то они, смотря по степени ихъ участія въ сообществѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, подвергаются: или лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ, или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ.“ — Статьи эти, какъ видно, обнимаютъ очень многое. Подъ нихъ подходятъ не только попытки ниспро-

вергнуть существующее правительство vi et armis, не только дѣйствіе, цѣль котораго возбудить неуваженіе къ правительству, но онѣ налагаютъ наказаніе за одно намѣреніе измѣнить существующій строй въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ путемъ мирнаго разсужденія и поднятія уровня народнаго развитія. Даже и это — еще не все. Человѣкъ можетъ быть вполнѣ преданъ правительству, онъ могъ никогда не выражать никакой мысли, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ государю или государеву правительству и, не смотря на то, если онъ узнаетъ случайно, что его сестра или братъ, или другъ принадлежатъ къ обществу, замышляющему „измѣненіе существующаго правительственнаго строя“, и, если онъ не пойдетъ добровольно къ шефу жандармовъ и не выдастъ своего брата, сестру или друга, законъ ссылаетъ его въ Сибирь на всю жизнь. — Когда арестованному объявятъ въ началѣ допроса, что онъ обвиняется въ преступленіяхъ, предусмотренныхъ ст. 245, 249 и 250 свода уголовныхъ законовъ, то онъ почти такъ же мало знаетъ, какъ и прежде. Онъ можетъ быть обвиненъ „въ оскорбленіи Величества“

или же въ намѣреніи измѣнить „существующій строй государства“, — въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, или же можетъ подлежать каторжнымъ работамъ за недонесеніе своевременно шефу жандармовъ, что онъ считаетъ свою сестру, принадлежащею къ тайному обществу. Онъ можетъ, впрочемъ, утѣшить себя тѣмъ, что, когда, наконецъ, произнесутъ надъ нимъ приговоръ, самая степень наказанія укажетъ ему приблизительно сущность вины, за которую онъ судился. — Второй допросъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно такой же, какъ и предварительный, кромѣ того, что онъ ведется самимъ прокуроромъ и основывается на большемъ количествѣ данныхъ. По окончаніи его, обвиняемаго заставляютъ подписать свои показанія и затѣмъ снова отводятъ въ камеру. Прокуроръ разрабатываетъ дѣло по своему усмотрѣнію, выставляя тѣ обвиненія, которыя онъ считаетъ доказанными, и отправляетъ его со всѣми документами министру юстиціи. Послѣ этого заключенному, если онъ не выказалъ упорства или сопротивленія, даруются нѣкоторыя привиллегіи. Два раза въ недѣлю онъ можетъ имѣть свиданія съ

своими родными въ присутствіи жандармскаго офицера. Онъ можетъ писать и получать открытія письма и ему даются книги. Но самыя эти привиллегіи имѣютъ свои темныя стороны. Родные, которые приходятъ для свиданія съ нимъ, могутъ быть арестованы и сосланы въ Сибирь административнымъ порядкомъ*). Письма, которыя онъ получаетъ, могутъ быть на половину зачеркнуты полиціей, черезъ руки которой они проходятъ, а единственныя книги, которыя ему даютъ, это — Библія и Сводъ уложенія о наказаніяхъ. Документы, по дѣлу обвиняемаго, доходятъ до министра юстиціи въ теченіи срока отъ одного до трехъ мѣсяцевъ. Тамъ они могутъ пролежать въ ожиданіи разсмотрѣнія еще три мѣсяца или даже и шесть мѣсяцевъ. Когда, наконецъ, министръ приступитъ къ

---

*) Одинъ молодой революціонеръ, по имени Майданскій, былъ повѣшенъ въ Одессѣ въ 1879 г. Его мать, престарѣлая крестьянка, услыхавъ, что сынъ ея приговоренъ къ смерти, пришла въ тюрьму, чтобы съ нимъ проститься. Ей не позволили видѣться съ нимъ; сама она была арестована и сослана административнымъ порядкомъ въ Красноярскъ Восточной Сибири.

дѣлу и разсмотритъ его, онъ можетъ сдѣлать одно изъ четырехъ. Во-первыхъ, если обвиненія покажутся ему достаточными даже для заключенія обвиняемаго въ тюрьму, онъ отдаетъ приказъ объ освобожденіи его, какъ это и было съ 800 „пропагандистами“. Во-вторыхъ, если обвиненіе само по себѣ недостаточно доказано, но заставляетъ предполагать что-нибудь дѣйствительно серьезное, онъ отсылаетъ его обратно къ прокурору, съ приказаніемъ продолжать слѣдствіе. Результатъ: дальнѣйшее промедленіе еще мѣсяцевъ на шесть, по крайней мѣрѣ. Въ-третьихъ, если обвиненій недостаточно, для того чтобы судъ могъ признать виновность, и вмѣстѣ съ тѣмъ министръ убѣжденъ, что обвиняемый дѣйствительно настолько неблагонадеженъ, что было бы опасно освободить его, онъ отдаетъ приказаніе о ссылкѣ его въ Сибирь административнымъ порядкомъ на срокъ не болѣе пяти лѣтъ. Въ-четвертыхъ, если доказательства обвиненія, представленныя прокуроромъ таковы, что могутъ быть убѣдительны и для суда, онъ назначаетъ надъ нимъ судъ. Это рѣшеніе зависитъ не отъ министра юстиціи, а отъ комиссіи при де-

партаментѣ полиціи, и производится по высочайшему повелѣнію. Отъ министра юстиціи дѣло идетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ оно опять ждетъ своей очереди для разсмотрѣнія. Министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ одобрить или не одобрить рѣшеніе министра юстиціи. Въ первомъ случаѣ оно идетъ къ царю для окончательнаго утвержденія, во второмъ — снова пріостанавливается для дальнѣйшаго разсмотрѣнія или же возвращается прокурору для пополненія. Результатомъ всей этой процедуры, каждый шагъ которой замедляется, благодаря большому числу разныхъ департаментовъ и министерскихъ канцелярій, является продолжительная неизвѣстность, въ которой заключенный находится со времени ареста до окончанія дѣла, освобожденія или ссылки. Многіе изъ политическихъ преступниковъ, съ дѣлами которыхъ я познакомился въ Сибири, пробыли въ тюрьмѣ отъ одного года до двухъ съ половиною лѣтъ, прежде чѣмъ были сосланны въ Сибирь. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ срокъ заключенія былъ еще гораздо длиннѣе. Соломонъ Чудновскій, который теперь находится въ ссылкѣ въ Томскѣ, ждалъ окончанія своего дѣла отъ

27-го января 1874 года до 18-го іюля 1878 года, т. е. въ теченіи 4-хъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ. Почти все это время онъ находился въ одиночномъ заключеніи, а впродолженіе 20-ти мѣсяцевъ онъ пробылъ въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости. Такой долгій срокъ приводитъ въ отчаяніе родныхъ и друзей даже таково заключеннаго, который навѣрно будетъ признанъ виновнымъ, но онъ можетъ просто свести съ ума тѣхъ, кто считаетъ своихъ дочерей, сыновей, сестеръ и братьевъ или друзей невинными, — тѣхъ, которые могутъ ожидать, что ихъ родственники умрутъ или лишатъ себя жизни до суда въ тюрьмѣ. Въ 1886 году умерла въ Петербургѣ молодая дѣвушка, которой не было еще 20 лѣтъ, по фамиліи Ѳедотова, слушательница высшихъ женскихъ курсовъ этого города. Она была арестована за годъ передъ тѣмъ по какому-то политическому подозрѣнію и содержалась въ одиночной камерѣ Дома Предварительнаго Заключенія до тѣхъ поръ, пока ея здоровье совсѣмъ растроилось, и ее, опасно больную, перевезли въ госпиталь, гдѣ она и умерла отъ нервной горячки въ бреду. Когда мать ея, госпожа Ѳедотова, узнала о

смерти молодой дѣвушки, она отправлялась къ начальнику полиціи и спросила, когда будутъ хоронить ея дочь, такъ какъ она хотѣла присутствовать на похоронахъ. Ей сказали, что похороны должны быть въ такомъ-то часу на слѣдующее утро. Власти не позволяютъ роднымъ умершаго политическаго самимъ хоронить его, ни даже сопровождать его тѣло до могилы, если только есть основаніе бояться такъ называемой, на оффиціальномъ языкѣ демонстраціи, т. е. публичнаго выраженія сочувствія. Въ этомъ случаѣ боялись, чтобы товарищи молодой дѣвушки по курсамъ не слѣдовали за ея гробомъ въ процессіи и чтобы наиболѣе горячіе изъ нихъ не попытались говорить рѣчи или привлечь какимъ-нибудь инымъ образомъ общественное вниманіе на тотъ фактъ, что молодая дѣвушка, заподозрѣнная въ политическомъ преступленіи, умерла въ тюрьмѣ безъ суда. Если бы публичные похороные были допущены и если бы друзья покойной попробовали устроить демонстрацію, то полиція должна была бы вмѣшаться, а такое вмѣшательство не только возбудило-бы общественное мнѣніе, но и повлекло бы къ новымъ арестамъ. Кромѣ того, самое вмѣ-

шательство полиціи при похоронахъ было бы очень непріятно; оно имѣло бы видъ, будто бьютъ мертваго. Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ сохраненіе общественной тишины и порядка, и забота о самой молодежи, могущей пострадать вслѣдствіе своей излишней горячности, вполнѣ оправдывали тайныя похороны. Согласно такому разсужденію начальникъ полиціи приказалъ похоронить молодую дѣвушку ночью, не давъ знать никому изъ родныхъ и друзей. Такъ ее и похоронили. Когда въ назначенный часъ на слѣдующее утро г-жа Ѳедотова пришла въ госпиталь для того, чтобы отдать послѣднюю единственную возможную дань любви безжизненному тѣлу своей дочери и проводить ее до могилы, ей объявили, что похороны уже состоялись. Когда она затѣмъ отправилась къ начальнику полиціи и спросила его, гдѣ похоронена ея дочь, то получила въ отвѣтъ: „это — наше дѣло“. Эта печальная исторія была разсказана мнѣ въ первый разъ издателемъ одной извѣстной С.-Петербургской газеты, который, конечно, не посмѣлъ ее напечатать. Послѣ того я слыхалъ и отъ другихъ и въ концѣ-концовъ имѣлъ возможность провѣрить ее

и узнать всѣ подробности изъ разговора съ однимъ лицомъ, занимавшемъ оффиціальное мѣсто въ той больницѣ, гдѣ молодая дѣвушка умерла. Для того, чтобы лучше выяснить связь между подобными фактами и, такъ называемой, политикой „террора", я попрошу читателя этихъ страницъ отвѣтить на одинъ вопросъ, который былъ поставленъ мнѣ: „Представьте себѣ что вашу единственную дочь, учащуюся дѣвушку, не достигшую еще 20-ти лѣтъ, арестуютъ вслѣдствіе смутныхъ подозрѣній въ политической неблагонадежности, сажаютъ въ тюрьму и держатъ ее тамъ безъ суда въ одиночномъ заключеніи впродолженіе года, что она тамъ умираетъ, наконецъ, заболѣвъ отъ тяжелаго одиночества и горя; что вамъ не позволили быть при ея смерти и что васъ обманули относительно времени ея похоронъ, что въ концѣ-концовъ, когда вы почтительно обращаетесь къ начальнику полиціи и спрашиваете, гдѣ похоренена ваша убитая дочь, для того чтобы, по крайней мѣрѣ, омочить слезами свѣжую землю ея могилы, вы получаете презрительный отвѣтъ: „это — наше дѣло". Я спрашиваю, чтобы вы тогда сдѣлали? — Страшная жажда мести за такія

злодѣянія не можетъ быть оправдана съ нравственной точки зрѣнія; она противна христіанскому ученію; если хотите, она преступна, но она вполнѣ естественна. Нельзя называть человѣка жестокимъ, кровожаднымъ фанатикомъ за то только, что получая такіе удары и не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, онъ хватается за первое орудіе, которое находится у него подъ руками. Я не имѣлъ намѣренія выставлять этотъ и подобные факты въ оправданіе политики террористовъ или въ защиту убійствъ, какъ средства ослабленія деспотизма, но я хотѣлъ объяснить, насколько это для меня возможно, нѣкоторыя болѣзненныя общественныя явленія. Взявъ на себя этотъ трудъ, я чувствовалъ на своей совѣсти долгъ сказать міру за русскихъ революціонеровъ все то, что они бы могли сказать сами, если бы уста мертвыхъ не превратились уже въ прахъ и если бы голоса живыхъ не были заглушены тюремными стѣнами. Русское правительство имѣетъ свою печать и своихъ представителей заграницей; оно можетъ объяснить, если пожелаетъ свой образъ дѣйствій и защитить себя отъ тѣхъ обвиненій, которое оно считаетъ неосновательными. Русскіе же рево-

люціонеры, заживо похороненные въ отдаленныхъ сибирскихъ пустыняхъ, могутъ разсказывать о своихъ мытарствахъ только случайнымъ путешественникамъ, чтобы они раскрыли міру о безсудіи въ Россіи.

Собраніе произведеній
лучшихъ русскихъ писателей

Содержитъ преимущественно изданія, запрещенныя въ Россіи.

Изданіе Г'уго Штейница, Берлинъ, Шарлоттенштр. 2.

Verlag von Hugo Steinitz, Berlin, Charlottenstr. 2.

72.	**Н. Щедринъ**, Новыя сказки для дѣтей (Drei Märchen)	1,60	Мар.
73.	**Л. Н. Толстой**, Къ политическимъ дѣятелямъ (Politiker)	1,—	„
74.	**М. А. Бакунинъ**, Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ землямъ (An die slavischen Länder)	1,20	„
75.	**М. Горькій**, Протестъ, **Л. Н. Толстой**, Письма по поводу Кишинева, **Вл. Короленко**, Домъ № 13 (Kischinew)	1,50	„
76.	***, Новыя революціонныя стихотворенія (Neue revolutionäre Gedichte)	1,20	„
77.	**М. Горькій, Л. Н. Толстой, Н. Щедринъ**, Три революціонныя сатиры (Drei Satyren)	1,20	„
78.	**Н. Щедринъ**, Развеселое житье (Fröhliches Leben)	1,80	„
79.	—, Письма къ тетенькѣ (Briefe an die Tante)	1,20	„
80.	**А. К. Толстой**, Сонъ Статскаго Совѣтника Попова (Der Traum)	1,—	„
81.	Народная воля (Der Volkswille)	1,60	„
82.	Земля и воля (Land und Freiheit)	2,50	„
83.	**М. А. Бакунинъ**, Всесвѣтный революціонный союзъ соціальной демократіи (Bakunin, Die Allianz)	2,—	„
84.	**А. К. Толстой**, Бунтъ въ Ватиканѣ (Tolstoi, Aufstand)	1,—	„
85.	Народная воля (Der Volkswille III)	1,60	„
86.	Анекдоты русскаго двора (Anekdoten d. russ. Hofes)	1,20	„
87.	Унтеръ-офицеръ (Unteroffizier)	1,80	„
88.	Сказаніе о несправедл. царѣ (Vom ungerecht. Zaren)	2,—	„
89.	Разсказы, анекдоты, сказки р. двора (Vom russ. Hofe)	1,60	„
90.	**Л. Н. Толстой**, Государство и Церковь (Staat u. Kirche)	1,—	„
91.	**А. Герценъ**, Отрывки изъ „Былого и Думъ" (Gedanken)	1,60	„
92.	**А. С. Пушкинъ**, Гавриліада (Gabriliade)	1,—	„
93.	Воспоминанія русск. революціонер. (Erinnerungen)	2,—	„
94.	**Н. Г. Чернышевскій**, Научились ли? (Haben wir es gelernt?)	1,—	„
95.	**Шевченко**, Марія (Marie)	1,—	„
96.	**Ж. Кенанъ**, Жизнь политическихъ арестантовъ въ русск. тюрьм. (Das Leben d. politischen Gefangenen)	1,60	„
97.	За вѣру, царя и отечество (Für Zar und Glauben)	2,—	„

Druck von Rosenthal & Co. in Berlin.